

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Лариса Косова

ПРОГУЛИВАЯСЬ по Старому Таллину, трудно объять умом мысль, что русскоговорящее население составляет тут половину. Чуть позже, правда, начинаешь сомневаться, что вторую (виновата, первую) половину составляют эстонцы, ибо, по большому счету, не слышно ни тех, ни других: даже смеясь, здесь берегут голосовые связки. На спектаклях, собирающих преимущественно эстонскую публику, в антракте зритель коротает время, передвигаясь гуськом по периметру просторного фойе, если таковое имеется. Но только приезжий станет удивляться, да еще и писать об этом.

А на сцене между тем кипят африканские страсти. Самой скандальной и обсуждаемой премьерой этого сезона можно назвать балет «Огненный ангел» Скрибина, поставленный на сцене государственного оперного театра «Эстония». Май Мурдмаа является не только хореографом, но и автором либретто по мотивам одноименного романа Брюсова. Кстати, еще недавно эстонцы за версту обходили первоисточники, клейменные русским именем.

Рената иступленно ищет по городам и весям средневековой Германии Огненного ангела. Когда-то Ангел был ее другом, но несчастная потеряла его, испугнув своими плотскими притязаниями. Рядом с экзальтированной юной леди незамедлительно возникает земной мужчина. Но куда ему! Он годен лишь на то, чтобы отгнать незаменимость другого. Спектакль любим зрителями и почти однозначно порицаем критикой. Конечно, хочется, чтобы швы, стягивающие воедино сюжет спектакля, были менее заметны, а появляющаяся с удручающей повторяемостью

крестьянка — символ цельности и гармонии — менее навязчива и назидательна. Огорчает проваливающаяся середина спектакля, в которой весь декананс, все эфемерное и хрупкое сдувается «порывом» эротического шоу явно из «другой оперы». Рената пытается реализовать себя через любовь к Рупрехту (земному мужчине), но все это кажется искусственным и насильственным. Именно «искусственным и насильственным» кажется, к сожалению, и весь фрагмент. На бумаге все лаконично до формализма, зато на подмостках — натуралистично до голого. Кажется, вот-вот рухнет долу от такой попытки самореализации Ренаты лучезарные сталинские хлебобашни, узбекки и птичницы, загостившиеся на живописном потолке таллинского оперного. Тем не менее отдельно взятые шершавости постановки воспринимаются как бы автономно. Если в возведенной в квадрат недосказанности можно быть точной, то эстонская звезда Кайе Кырб в своем танце предельно точно, убедительно и просто наэлектризовала метафизикой Серебряного века.

В трех минутах ходьбы от оперного, в Государственном русском драматическом театре Эстонии, жизнь кипит не менее бурно. Накануне своего полувекового юбилея театр представил на суд публики три премьеры. Поставленный по произведению Оскара Лутса спектакль «На задворках» любезен зрителю уже одним тем, что попадает в унисон межвременью. Все как поется в песне: «Те же лица (русские и эстонские), те же песни (кто виноват? что делать?). Вот только не мозолят глаза поднадоевшие реалии сегодняшнего дня».

К юбилею Роман Виктюк протиражировал в Таллине свой спектакль «Бульвар заходящего солнца» (по голливудскому мюзиклу «Бульвар Сан-

сет»). Приглашенную на главную роль киевскую актрису Аду Роговцеву в Эстонии по-прежнему любят; режиссер же, увы, становится все более предсказуем.

Предваряя разговор о третьей премьере сезона, позволю себе краткий «исторический экскурс». Русскосмотрящая и рускослушающая публика города Таллина нескоро забудет поставленный по чеховским «Трем сестрам» спектакль «В Москву, в Москву!» (Юрий Еремин) — одно из самых сильных потрясений, когда-либо пережитых театральным Таллином. Классическая драматургия стала вдруг актуальней всех вместе взятых СМИ. Шел девятност четвертый год. К радости одних и растерянности других, военные покидали город. Вот только какой? Вместо артиллеристов прощальным маршем по сцене прошли моряки. Причем и моряки, и прощальный марш были настоящими. Другая из немногих допущенных режиссером волюнстостей: Наташа и Ферапонт (какой-никакой, а госслужащий, то есть гражданин первой категории) говорили в спектакле по-эстонски — на эги роли были приглашены талантливые актеры. «В Москву, в Москву!» раздавалось на таллинской сцене до тех самых пор, пока наперекор чеховскому финалу занятые в спектакле актеры не двинулись-таки на восток, в том числе и в Москву, а спектакль не закрыли.

Сегодня, когда обиды начинают потихоньку сглаживаться, а острые углы притупляться, таллинский зритель вправе ожидать от театра легкости и даже некоторой радужности. В общем, пьеса Птушкиной «Пока она умирала» (художественный руководитель постановки Борис Мильграм, режиссер Надежда Птушкина) пришлась в Эстонии и ко двору, и ко времени. Всего лишь добрая новогодняя сказочка о непреходя-

щих человеческих ценностях, а Таллин переживает и смеется. И как смеется — без сарказма и горечи! Кто бы мог подумать, что так приятно чувствовать себя протачком. Не то что бы новые, но хорошо подзабытые ощущения. Основная претензия к постановке: иногда драматургический материал просто требует: сыграй меня, не декламируй. Хотя в иных эпизодах нарочитая исполнительская прилежность и старательность действуют заодно с камерностью авторского текста. В Таллине еще раз доказали, что спектакль, способный вызывать такую смеховую реакцию зрителей, может позволить себе некоторую пробуксовку во второй своей части без потери надлежащего тона в зрительном зале. В роли перешителю умиравшей Софьи — симпатичнейшая Вера Николаевна Федорова, которая хранит верность этой сцене, начиная с самого дня рождения театра. Косвенным доказательством успеха спектакля можно считать и приглашение Ларисы Саванковой, сыгравшей Дину, псевдоплемянку Софьи, на ту же роль в блистательный московский ансамбль — Зинаида Шарко, Инна Чурикова и Валентин Гафт.

Русскому театру Таллина покорны все возрасты. Его Зеркальное фойе вместо того, чтобы стать полигоном для новаторских идей, отдало под классику, в основном, русскую. Логично и похвально: русский язык и литература в средней школе сегодня существенно урезаны, и фойе заполняется в основном старшеклассниками. Не исключено, что через каких-нибудь пару лет язык и литература уйдут из программы, как военные из губернского города. Вот тогда уже русскому театру не останется ничего другого, как презреть поговорку «один в поле не воин» и проявить свое миссионерство уже на полную катушку.